Забайкальский рабочий
г. Чита
11 МАЯ 1966

ЧТО БРАТЬ В НОВЫЙ ДОМ

ПЕРЕЕЗЖАЯ в новый дом, человек перерешает свой багаж. Прикидывает: это нельзя потерять, лучше с ней расстаться; много накопилось старой, полуистлевшей одежды, в старом доме ее еще держали по привычке, перебрасывая с места на место, а в новый — тащить не стоит.

Переступая порог своего нового жилища, человек обычно и в душе своей стремится навести порядок. В старом доме, говорят, он своим близким. Дуже нас было много хорошего. Пусть оно и теперь останется с нами. Но там были и дни, которые омрачали нашу жизнь. В новый дом мы не возьмем с собой старых обид.

Эта житейская ситуация соотстанима с ситуацией, которая сложилась к окончанию нынешнего сезона в Читинском драматическом театре. Старое, дряхлеющее здание на ул. Бутина, в молодости знавшее чванливую рескет-тебельных дворянских собраний, сослужило труппе последнюю службу. Будущий сезон коллектив встретит в новом, комфортабельном здании, что рядом с центре Читы, на территории городского сада.

(Заметим в скобках, что есть основания — и что театр на будет сдан в эксплуатацию к намеченному сроку; но, с другой стороны, строители не раз доказывали, что им по плечу большие и сложные задачи. Будем надеяться — и на этот раз дадим ответ радостным читинцам, вовремя распахнут двери нового театра для первых посетителей).

И ТАК, мы у порога нового дома. Давайте же посмотрим вместе, поразмыслим, что хорошее и что плохое было в нашем старом доме, что брать с собой, а что без сожаления оставить.

Необходимость в таких размышлениях возникла не сейчас, не только в связи с новосельем. В последние годы на многочисленных творческих советах, производственных совещаниях, зрительских конференциях и в чистых беседах вне не раз приходилось слышать горькие слова: **зритель теряет интерес к театру**, с каждым годом все больше и больше пустующих кресел остается в зале по время спектаклей. В течение трех-четырех последних лет в нашей печати не раз писали театры, в которых делалась попытка объяснить причины этой тревожной тенденции.

Однако странное дело — авторы выступлений и сообщений неизменно говорили дельные вещи, и критики, как правило, смотрели в корень, и оптимистическая заверенность со стороны художественного руководства и дирекции театра было достаточно, — только творческого коллектива оставалась.

Хуже того, с каждым годом она все более и более прогрессировала. К концу нынешнего сезона дошла **крайнего предела. И в творческом, и в финансовом отношении театр находится в крайне тяжелом положении.** Это надо сказать осознанно со всей определенностью. Не сказав и, главное, не осознав этого, нельзя будет добиться сравнительно скорых и отрадных перемен.

В прошлом году театрально плану должен был получить 65 тыс. рублей государственной дотации. Фактически получил более чем в два раза больше. В этом году, в связи с введением забайкальского коэффициента и сравнительно увеличением фонда заработной платы, плановые убытки составляют уже 116 тысяч рублей. Основной для фактического оптимизма нет: гастроли предстоят тяжелые, в основном, по районам области; летняя страда не разрешает сельским зрителям особо засиживаться на спектаклях, даже если эти спектакли будут очень хорошими.

Еще несколько цифр, чтобы потом к ним не возвращаться. Вот какой «урожай» собрали восемь премьер нынешнего сезона:

«Под каштанами Праги» — 62 спектакля, 18966 зрителей; «Гастролер соответственно 24 и 8881; «Дерзость, кутеж и любовь» — 47 и 15260; «Привал в Ирисе» — 21 и 5600; «Ищи ветра в поле» — 23 и 11507; «Последняя парада» — 32 и 9015; «Зависть» — 4 и 1000; «Бродяга» — 15 и 6031; «Трехгрошовая опера» — 5 и 1693. То есть в среднем зал заполняется наполовину. Только в первые пол-премьеры дни на две трети, четыре пятых, потом на треть, пятую и даже восьмую часть! Неудобрала спектакля «Бродяга» зал сидит 70—80 человек на 660 мест.

«Не слишком ли углубился автор в критику второго сторону вопроса?» — скажет читатель. — Театр не предприятие, которое ставит своей целью извлечение прибыли. Театр — идеологическое учреждение, которое призвано в первую очередь и главным образом воспитывать советских людей в духе высокой коммунистической нравственности. Кассовый успех спектакля не всегда с соответствующей ему высокой художественным достоинствами. Верно, такие парадоксы в искусстве случаются. Бывает, что не той Федоре счастье привалит. Но, как правило, все-таки зрелищный, глубокий спектакль находит своего зрителя. Я мог бы сослаться на известные в стране театры, но зачем далеко ходить — лет восемь-десять назад и в наш театр не всегда можно было достать билет.

Дело вовсе не в рубле как таковом. Дело в том, что финансовые трудности театра самым тесным образом связаны с его творческими неудачами. Какие это неудачи?

К итогам театрального сезона

Не претендую вовсе на роль первооткрывателя. Причины этих удач известные. О них говорилось не раз. Но, готовя в печать эти заметки, я перечитал кипу рецензий, даже газеты с пятнадцатилетней давности, материалы конференций отделения театрального общества, просмотрел старые афиши и программки, детально изучил репертуар за последние пять лет. И мне представляется, для любителей театра небезынтересны некоторые наблюдения, факты, обобщения.

ГЛАВНАЯ тема всегдашних споров вокруг театра — репертуар. В 1956 году в нашей газете была опубликована статья Ю. Гравченского «За театр больших мыслей и сильных страстей» — **«Борьба с серостью... борьба за яркое проблемное творчество, подчеркивалось в ней, — начинается с выбора репертуара»**. И далее: **«Сейчас коллектив областного драматического театра нуждается в предоставлении перестройке, в ломке устоявшихся канонов. В театре сменилось художественное руководство, и новый главный режиссер, безусловно, должен возглавить борьбу с серостью, поверхностью, бесстрастием».**

С Табачниковым в репертуарном обзоре «Ближе к жизни», опубликованном в газете «Комсомолец Забайкалья», говорилось, что «в подборе пьес как по их тематике, так и по качеству есть изъяны, что заставляет в дискуссионных вопросах нашей современности нельзя ни в коем случае». Подобные упреки звучали и в другие годы.

Но даже и в то, в целом не очень благополучные, годы на сцене читинского театра шли такие пьесы, как «Принцесса Брамбилла» Гоцци, «Хитроумная влюбленная» Лопе де Вега, «Антоний и Клеопатра» Шекспира, «Моя семья» Эдуарда де Филиппо, «Женитьба» и «Ревизор» Гоголя, «Таланты и поклонники» Островского, «Портрет-Автор» Попова и Степанова, «Баня» Маяковского, «Кремлевские куранты» Погодина, «Оптимистическая трагедия», «Незабываемый 1919» Вишневского, «Разлом» Лавренева, «Любовь Яровая» Тренева, «Крылья» Корнейчука, «Русские люди» Симонова, «Сергей Лазо» Бондарева, инсценировки книг о рабочем классе — «Слухая мята» Липатова и «Братья Ершовы» Кочергина, инсценировка по мотивам романа Седых «Даурия».

Даже этот беглый перечень дает представление о высоких гражданских устремлениях театра тех — конца пятидесятых, начала шестидесятых — лет. Одновременно театр старался много пьес современных, затрагивавших узловые проблемы дня. Это в значительной степени и определяло удачи коллектива. Теперь значительные пьесы на сцене появляются крайне редко.

Театр начал катиться по наклонной не сразу, конечно, но особенно ощутимо это движение стало ощущаться в последние пять лет.

В 1964—1965 годах на афише театра значилось пятнадцать пьес. Из них премьер — 11. Из зарубежных авторов были поставлены Шекспир («Антоний и Клеопатра») и Нушич, из русских классиков — Гоголь и Шишков. Советских — 9: Погодин («Кремлевские куранты») и Афиногенов («Волны тропа»), семь пьес на темы дня. Три из этих семи — о молодежи.

В следующем сезоне — 13 пьес, 10 премьер. Две зарубежные комедии, русской классики нет, основное место опять-таки занимают современные пьесы (семь), три из них посвящены молодежным. Все как будто то же самое, потерянны только авторские имена. Скажем, там шли «Клеопатра» Шекспира, тут «Дамы и гусары» Фредро.

Дальше — больше. 1966—1967 гг. Одиннадцать пьес, 8 премьер. Зарубежные комедии и мелодрама, русской классики нет, четыре современных.

1967—1968 гг. Восемь премьер. Зарубежных авторов нет. Пьесы советских авторов тематически оснащены с годами революции. Закономерно — юбилейный сезон. Есть и современные пьесы, но они не поднимают магистральных проблем нашей жизни — «Больше не уходи», «Варшавская мелодия».

Нынешний сезон, 8 афиш 12 пьес, 8 премьер.

ИЗ РЕПЕРТУАРА вовсе исчезли такие масштабные, воспевающие революцию спектакли, как «Даурия», «Между двумя». Спектакля, равного им, не оказалось. Репертуар довольно эклектичный, без определенного направления. В нем есть пьесы на современные темы, но они очень слабые. **По-прежнему нет ни одного спектакля о рабочем классе, о правящем деревне, о коренных проблемах коммунистического строительства.** Репертуар таков, что театр, не рассчитывая на благосклонность искушенного зрителя, планирует двухнедельные гастроли в Петровск-Забайкальском, двухнедельные же — в Улан-Удэ. Остальное время — по районам нашей области. В конечном итоге в выигрыше оказывается сельский труженик. Намерения театра самые похвальные, но все-таки, знаете, один актер с горькой иронией говорит мне: «Друзья пишут, что едут на гастроли в Саратов, Ростов. И не боятся «прогореть». А мы...».

Плохо не то еще, что прошлый сезон не стал переломным в жизни театра. Хуже то, что примерные репертуарные наметки на будущий год носят серьезный изъян. Намечаются к постановке масштабные полотна о революции, пьесы прогрессивных зарубежных авторов — Рометта Роллана, Гарсиа Лорки. Пьеса о декабристах. В принципе замысел интересный: в год юбилейного юмора показать величие и всеохватность коммунистических идеалов. Но этот замысел невозможно осуществить без двух-трех, по крайней мере, хороших пьес, в которых бы **на материалах сегодняшнего дня были показаны величие и торжество коммунистических идеалов.** Эту часть репертуара следует определить уже сейчас, не ища оправдания в том, что нет хороших пьес о нынешних днях.

Репертуар определяет, конечно, в первую очередь главный режиссер. Валентин Валентинович Бухарин — молодой и по возрасту, и по опыту работы. **Его первый сезон в нашем театре не был удачным и для руководителя коллектива, хотя как постановщик спектаклей он заявил о себе интересно.**

Например, брехтовская «Трехгрошовая опера», поставленная Бухариным, явление для нашей сцены принципиально новое. Мы увидели спектакль дерзкий, но яркий по форме, откровенно публицистический, прочитанный острым современным оказалась мысль, а не чувство. То же высокое мастерство постановщика в спектакле «Привал в Ирисе».

Совершенно другой Бухарин как постановщик в спектакле «Под каштанами Праги». Тут чувство режиссера в тонком психологическом проникновении в отношения действующих лиц.

У БУХАРИНА есть желание поднять театр на ноги. Думается, ему это под силу, учитывая его достаточно высокое профессиональное мастерство, молодость, сестру дерзкий. Но только одних этих качеств **руководителю коллектива** мало.

Нужна известная мудрость и последовательность в проведении репертуарной политики. Ведь окончательная афиша прошедшего сезона значительно отличается от той, какой она выглядела в октябре. Конечно, претворить в жизнь намеченное трудно. Но в том, в конечном итоге и заключается искусство руководителя: не упускать из виду главного направления; не просто укомплектовать труппу — сколотить коллектив единомышленников; уметь стать выше неизбежных в творческом коллективе трений между некоторыми актерами, уметь направить усилия каждого из них к достижению высокого творческого мастерства; соразмерять каждую работу коллектива с потребностями дня, с пульсом нашей жизни, с желанием советских зрителей видеть в театре мудрого и доброго наставника.

Не думаю, что высказанное — отпровешение для дирекции театра, художественного руководства, актеров. Хочу сказать другое. Все мы, любители театра, много друзьями, частенько в свое время, когда в день спектакля на ближних и дальних подступах к нему будет слышиться желание «Нет ли лишнего билетика?». А для того, чтобы это время скорее пришло, не надо благодушествовать.

Пусть актер, режиссер, каждый работник театра, прежде чем переступить через порог нового дома, скажет себе:

— Вот храм искусства, где свершатся мои самые сокровенные творческие мечты. Я оставил в старом доме все, что мешало моему вдохновению.

И когда это сбудется, зритель, переступая порог, будет с волнением думать:

— Вот — мой любимый театр. Вот оно — вечное чудо, которое заставляет мое сердце сострадать и петь от счастья!

А. АЛЕШКИН.